

ЗАГАДКА «ВТОРОЙ ПО КАЧЕСТВУ КРОВАТИ» ШЕКСПИРА В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ XX-XXI ВВ.

Постановка проблемы. Обнаруженное в 1747 г. завещание Шекспира [26, с. 242] было написано в феврале и окончательно отредактировано 25 марта 1616 г. нотариусом Коллинзом. Оно озадачивает исследователей складывающимся на его основе психологическим портретом Барда [4, с. 121–122] и различием подписей завещателя на листах документа. Последнее обстоятельство пытались объяснить тяжелой болезнью Шекспира [7, с. 178], но в апреле 2016 г. сотрудники британского Национального архива и Британской библиотеки опубликовали результаты текстологической экспертизы, установившей, что средний лист завещания не был написан одновременно с другими [18]. Это открытие снимает остроту проблемы несовпадения автографов Шекспира, хотя и порождает вопросы об обстоятельствах, побудивших его переписать средний лист завещания, и исходном варианте текста. Однако в новых условиях главной загадкой завещания становится вписанная на третьей странице фраза о «второй по качеству кровати».

Целью данного исследования является анализ того, как «вторая по качеству кровать» Шекспира воспринимается в англо-американской беллетристике XX–XXI вв. Непонятность фразы, невозможность определить по ней, о какой именно кровати идет речь, интригует и беллетристов, и исследователей творчества Шекспира, приводя порой к очевидному сближению псевдобιοграфической литературы о Барде с его научными биографиями.

Попытки разгадать ее породили две равновероятные гипотезы о характере отношений между Уильямом и Энн Шекспир. Скромность доли имущества, отписанного Энн в последний момент (С. Гринблатт делает

особый упор на том, что в февральской версии завещания полностью отсутствовало упоминание об Энн [13, с. 145]), служит основанием для вывода о том, что Шекспир был по меньшей мере равнодушен к супруге: из всех упомянутых в завещании только Энн не была названа по имени, а также не удостоилась традиционных для таких документов эпитетов [19, с. 181]. В пользу гипотезы об изначально неудачном браке Шекспира говорят и более старший возраст Энн, и «досрочное» рождение старшей дочери поэта Сьюзен, и отъезд Шекспира из Стрэтфорда. Согласно второй гипотезе, брак Шекспира, напротив, был удачным. Ее сторонники объясняют отъезд Уильяма в Лондон необходимостью спастись от уголовного наказания, подчеркивая отсутствие достоверных сведений о разладе между супругами. Никому не удалось доказать, кто именно воспет в сонетах Шекспира и что речь в них идет о реальных, а не вымышленных отношениях. Наконец, обвинения Уильяма в том, что он не заботился о благополучии жены и детей, ничуть не более основательны, чем утверждения о том, что он посылал деньги родным и периодически навещался в Стрэтфорд [31, с. 90]. Что касается фразы о «второй по качеству кровати», то адепты «счастливой» гипотезы объясняют ее трогательной заботой умирающего о будущем Энн.

Без фактов спор о характере отношений Шекспира к жене утрачивает смысл, но привлекательную тему личной жизни гения, начиная с 1824 г. [21, с. 3], охотно эксплуатирует беллетристика. Наибольшее внимание в ней уделяется лондонскому периоду жизни поэта, но существует и значительная группа произведений, посвященная семейным отношениям Шекспира. Первой к изображению отношений Уилла и Энн обратилась Э. Северн в романе «Энн Хатауэй, или Влюбленный Шекспир» (1845), повествующем об идиллической жизни в Стрэтфорде и напичканном всевозможными домыслами в духе эпохи культа Шекспира. Герои Северн изображены идеальной парой: в Энн совмещаются христианские добродетели и эллинистические идеалы прекрасного, красота Венеры и резвость Гебы, а

Уилл отмечен печатью такой чистоты и возвышенности, что ее не смогли бы передать «ни Канова, ни какой-нибудь да Винчи» [28, т. 1, с.3].

Другие викторианские авторы более сдержанны в отношении Энн. В пьесе Э. Хэмли «Похороны Шекспира» (1878) величие скончавшегося гения оттеняется приземленностью погрязшей в быту Энн, в первую очередь заботящейся о том, чтобы присутствовавшие на похоронах ее мужа были как следует накормлены [14, с. 53]. При этом в уста Дрейтона Хэмли вкладывает слова сожаления о том, что Шекспир рано женился [14, с. 48], не оставляющие сомнений в том, что брак Шекспира был ошибкой. Сопоставление картин, нарисованных Северн и Хэмли, указывает на гендерную специфику подхода к теме: авторы-мужчины менее склонны идеализировать Энн, а также предпочитают видеть в ней источник страданий Барда.

Героизация Энн началась на первой волне женского движения. На рубеже XIX—XX вв. усилился интерес писательниц к ее личности, ее роли в жизни мужа. Сделав ее героиней романа «Возлюбленная Шекспира» (1905), первого псевдобιοграфического произведения о Шекспире, написанного от лица Энн, С. Х. Стерлинг наделила ее литературным талантом и авантюрной биографией: переодевшись в мужское платье, Энн следует за мужем в Лондон и становится «актером», блестяще играет роль Джульетты перед самой королевой, способствуя успеху мужа, отважно борется с чарами Смуглой Леди и побеждает соперницу, а также спасает мужа, когда завистник Марло делает попытку погубить его [30]. Как соучастницу творческого взлета Шекспира изображают Энн и позднейшие беллетристы, в частности, А. Райэн. Согласно ее версии, Энн также отправилась в Лондон, чтобы поддержать актерскую карьеру Шекспира. Она шила для него театральные костюмы, затем переписывала тексты его пьес, стала его соавтором и, наконец, начала писать за Шекспира [25].

В то же время авторы начала XX в. уже допускали возможность того, что брак Шекспира не был счастливым, зачастую возлагая вину за это на обе

стороны. Ф. Хэррис, выведивший характер семейных отношений Шекспира из содержания его пьес [15; 16], признавал, что «Шекспир был жесток по отношению к Энн», но использовал эпитет *roog* по отношению к обоим супругам, подчеркивая вынужденный характер женитьбы Уильяма. [16, с. 28; 32] Сходная концепция просматривается и в драме Хэрриса «Шекспир и его любовь» (1910), где Шекспир, вращающийся в блестящем лондонском обществе поэтов и вельмож, не вспоминает о существовании у него семьи и возвращается на родину лишь после двойного предательства, совершенного его возлюбленной Мэри Фиттон (Смуглой Леди) и другом, графом Пембруком. Семья Барда, точнее, его дочери, появляется на сцене лишь в эпилоге: Джудит трогательно ухаживает за умирающим отцом, а Сьюзен убеждает его упомянуть в завещании и Энн, которая была для них с сестрой хорошей матерью. Ее слова соответствуют эпитафии на могиле Энн, предположительно, написанной Сьюзен или Джоном Холлом по ее просьбе. Однако Сьюзен намекает на то, что в прошлом Энн ревновала Шекспира («Years ago she may have been jealous» [16, с. 176]), т. е. он давал повод, а она страдала. Аналогичным образом оценивается брак Шекспира и в пьесе К. Дейн «Уилл Шекспир: фантазия в четырех актах» (1921), в которой Энн приближается к викторианскому идеалу жены. В то же время ее образ существенно выходит за его рамки: Энн показана способной на сильное чувство женщиной, во имя любви идущей наперекор морали, соблазнительницей и обманщицей [8, с. 23], но всегда любящей, всепрощающей женой, признающей непохожесть своего эгоцентричного мужа на остальных. В ее любви к Уиллу присутствует оттенок материнского чувства, которое вызывает у Шекспира лишь раздражение: «Не мешай мне поступать, как я хочу, и распоряжаться моей жизнью / Так, как я считаю нужным. Я не стану подчиняться тебе / Из-за того, что ты на семь лет старше» [8, с. 20]. Постоянство Энн подчеркивается ее повторяющимися в конце первого акта и в конце пьесы репликами. Отправляясь в Лондон, Уилл отмахивается от ее слов: «Не забывай меня! Тогда, тогда, когда тебе

потребуется / руки, готовые обслуживать тебя, и грудь, на которой можно умереть,/ Возвращайся ко мне! <...> Я буду ждать» [8, с. 42–43]. Однако когда в финале познавший не только прелести, но и тяготы столичной жизни Шекспир вновь слышит этот призыв [8, с. 130–131], он относится к нему совсем иначе. Считая обоих супругов повинными в том, что их союз не оказался счастливым, Дейн симпатизирует альтруистичной Энн.

Значительную роль в усилении негатива в изображении Шекспира в художественной литературе сыграл Дж. Б. Шоу, один из самых ярких борцов с «бардопоклонством» [29, с. xxxii]. Шоу не только критиковал пьесы Шекспира. Нетерпимый к «идеализму» и застывшим клише, в своей лирической комедии «Смуглая леди сонетов» (1910) он изобразил Барда дерзким и тщеславным снобом, неспособным преодолеть ощущение ущербности своего социального статуса. Образ Шекспира у Шоу следует рассматривать в контексте полемики ирландского драматурга с концепцией сверхчеловека Ницше, как решительный отказ от героизации крупнейших деятелей истории и культуры в литературе.

Англоязычная беллетристика отреагировала на это новыми домыслами о частной жизни Шекспира и «самой загадочной женщины» из его ближайшего окружения — Энн [9, с. 69]. В этой связи стоит обратить внимание на мнение К. Шейл, считающей, что наши представления о жене Шекспира были бы иными, если бы он завещал ей не пресловутую кровать, а чашу, доставшуюся Джудит [27, с. 69]. В самом деле, многие авторы псевдобиографических произведений, ассоциируя кровать с плотскими утехами, сходятся во мнении о том, что Энн была чувственной женщиной. Домохозяйкой и «горячей штучкой» [6, с. 223] изобразил ее в романе «Джентльмен из Стратфорда» (1939) Дж. Брофи. Социальный аспект созданного в нем образа Шекспира роднит его с образом Шекспира в «Смуглой леди сонетов» Шоу, написавшего предисловие к первому изданию романа: сын перчаточника получил слишком хорошее образование, чтобы довольствоваться участью провинциального горожанина [6, с. 15]. Ему

хочется сравняться с благородными господами, что проявляется в желании одеваться, как подобает джентльмену, и презрении к табакокурению, которое кажется ему занятием, недостойным джентльмена [6, с. 21]. Он никогда не любил Энн, но брак с ней был для него выгоден и желанен как средство самоутверждения, поскольку дядя девушки возражал против такого союза, считая отца Уилла увязшим в долгах. Поэтому уязвленный Уилл соблазнил Энн, вынудив ее семью согласиться на их свадьбу. Энн также показана как девушка с социальными амбициями: она мечтает о браке с «благородным» человеком [6, с. 29], а Уилл с его аристократическими замашками отвечает ее представлению о «благородстве». Брофи изначально внушает читателю мысль об этом браке как о роковой ошибке Уилла, хотя Энн с ее ненасытной сексуальностью и стала одной из его муз, передав свои черты сладострастной героине «Венеры и Адониса» [6, с. 115].

Еще более разнузданный образ Энн появился у Э. Бёрджесса во «Влюбленном Шекспире» (1964). Ненасытная эротоманка («Она осуществляла самые сокровенные и порочные его фантазии, во многих из которых ему было стыдно признаться даже самому себе» [1, с. 66]), она вынуждает мужа бежать из «утомительного рабства в супружеской постели» [1, с. 71]. В этом же ключе движется и мысль Р. Ная в романе «Миссис Шекспир: полное собрание сочинений» (1993), стилизованном под мемуары Энн, из которых следует, что отъезд Шекспира в Лондон открыл для него не только творческие горизонты, но и прелести греческой любви, благодаря чему и навестившая его в столице Энн, женщина религиозно-зашоренная («Я не читала его сочинения. Я читала мою Библию» [20, с. 25]), познала вершины эротического блаженства. Э. Фрид также подчеркивает гиперсексуальность Энн, делая ее любовницей графа Оксфорда, тайно пишущего пьесы для труппы, к которой присоединился Шекспир [11].

Примерно с 1970 г. в псевдобиографической беллетристике наблюдается и тенденция к разрыву понятийной связки «вторая по качеству кровать» — сексуальность Энн. Образ жены Шекспира становится все более

привлекательным. Самоотверженной и преданной семье, умеющей скрывать свое горе она изображена в рассказе К. Уиллис «Зимняя сказка» (1987) [32]. Писательницу привлекает часто обсуждаемая в альтернативном шекспироведении хронологическая близость гибели Марло и восхода новой звезды, Шекспира. По версии Уиллис, талантливый, но слишком эгоистичный, амбициозный и напыщенный провинциал Шекспир был убит в Дептфорде друзьями Марло, который, спасаясь от неминуемого ареста, решает воспользоваться этим и «стать Шекспиром», что объясняет быстрый взлет последнего. Перевоплощение Марло происходит безболезненно благодаря его внешнему сходству с убитым. Однако двадцать лет спустя смертельно больной Марло-Шекспир решает пойти на риск и «вернуться» в Стрэтфорд, где Энн сразу понимает, что перед ней самозванец, но кротко принимает его и скрашивает заботой последние месяцы его жизни, не желая разочаровывать детей и внучку, верящих, что их отец и дед наконец-то вернулся домой. Жертвенность Энн подчеркивается и в романе О. Питерсон «Убийство в Стратфорде: версия Энн Хатауэй» (2005), где героиня сама настаивает на немедленном отъезде совершившего преступление мужа из Стрэтфорда [22].

В комедии Э. Роулэндз «Миссис Шекспир... жена поэта» (2005) [24], основывающейся на гипотезе де Фонсека [10], Энн изображена гениальным творцом, подлинным Шекспиром, а ее муж – посредственным актером и сластолюбцем, эксплуатирующим талант жены. При этом Энн органично сочетает профессиональную деятельность с домашними хлопотами, хотя творчество и отвлекает ее от традиционных женских домашних обязанностей («Я писала, когда мне следовало бы заниматься домашними делами... кормить кур... чинить белье... возиться в кладовке...») [24, с. 20-21]).

Реабилитация Энн меняет и отношение беллетристов ко «второй по качеству кровати», преодолевающих представление о ней как знаке неприязни Шекспира к жене, широко известное благодаря Дж. Джойсу. Старые версии о счастливой/несчастливой семейной жизни Шекспира

дополняются и перекраиваются. Например, Р. Най, в изображении которого Шекспир предстает плохим мужем («Годами мне приходилось довольствоваться едва ли ни одними посулами», – сетует на него «нелюбимая жена» [20, с. 59; 24]), полагает, что «первая по качеству кровать» Шекспира – та, на которой он предавался любовным утехам с Саутгемптоном, – находилась в Лондоне, а супружеская кровать в стрэтфордском доме была «второй», и ее завещание Энн следует рассматривать как шутку Шекспира, таким образом давшего супруге понять, что он ценил ее эротический пыл и не забыл об их любовных шалостях. О. Питерсон разделяет мнение о том, что в завещании речь идет о стрэтфордской кровати супругов в Нью-Плейс, тогда как «первую по качеству» они заботливо уступили родителям Уилла [22, с. 90]. Очень близок к такой точке зрения оказывается и писатель-литературовед П. Экройд, уточняющий, что лучшая кровать была зарезервирована для гостей [5, с. 484]. И хотя многие высказываются в том смысле, что в завещании жене «второй по качеству кровати» нет ничего необычного [23, с. 72], приведенные выше трактовки придают ей характер ценного дара.

Принципиально новым в беллетристике последних десятилетий становится мотив «второй по качеству кровати» как тайника. В пьесе «Вторая по качеству кровать» (1970) Т. Келли предположил, что в лежавшую на ней перину осторожный Уильям зашил мешочек с драгоценностями, призванными обеспечить жене безбедное будущее, а также письмо с благодарностью за ту самоотверженность, с которой она в свое время настояла на его отъезде в Лондон.[17] К. Уиллис, также считая «вторую по качеству кровать» тайником, полагала, что в нем хранились рукописи пьес Марло – Шекспира. По версии Э. Роулэндз, в кровати прятала свои рукописи сама Энн.

Выводы. Гипотезы беллетристов, связывающие «вторую по качеству кровать» с исчезнувшими рукописями Шекспира, придают новое измерение позднему периоду жизни Барда. Интуитивные догадки заставляют искать

новые смыслы в самой странной фразе его завещания. В этой связи хотелось бы отметить публикацию Д. Фухса, в которой знаменитая кровать предстает как метафора супружеской неверности, раскрывающаяся благодаря аллюзии к супружескому ложу Одиссея. [12, с. 30–33] «Вторая по качеству кровать» может быть прочитана и как аллюзия к «Государству» Платона [2; 3, с. 74], понятная лишь посвященным и однозначно указывающая на то, что бесценные рукописи были завещаны жене Шекспира. Подобные размышления приводят нас к выводу о недостаточности современных представлений о содержании завещания Шекспира, открывая **новые перспективы** прочтения этого документа.

Список литературы

1. Берджесс Э. Влюбленный Шекспир. М. Центрполиграф, 2001. 378 с.
2. Бурова И.И. «Вторая по качеству кровать» Шекспира как возможная аллюзия к Платону // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8-1 (62). 2016. С. 19–21.
3. Бурова И.И. Уильям Шекспир. М.: ОЛМА, 2011. 96 с.
4. Гилилов И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М.: Международные отношения, 2000. 512 с.
5. Ackroyd P. Shakespeare: The Biography. London: Chatto and Windus, 2005. 546 p.
6. Brophy J. Gentleman of Stratford: A Novel. London: Collins, 1939. 384 p.
7. Chambers E. K. William Shakespeare. A Study of Facts and Problems: In 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1930.
8. Dane C. Will Shakespeare: An Invention in four Acts. London: William Heinemann, 1921. 131 p.
9. Edmondson P., Wells S. The Shakespeare Circle: An Alternative Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 368 p.

10. Fonseka J. P., de. *The Plays of Mrs. Shakespeare* // *G.K.'s Weekly*. 3 March, 1938.
11. Freed A. *The Beard of Avon*. New York; London: Samuel French, 2004. 101 p.
12. Fuchs D. «He Puts Bohemia on the Seacoast and Makes Ulysses Quote Aristotle»: *Shakespearean Gaps and the Early Modern Method of Analogy and Correspondence in Joyce's "Ulysses"* // *Joyce/Shakespeare* / Ed. L. Pelaschiar. Syracuse (N. Y.): Syracuse Univ. Press, 2015. P. 21–37.
13. Greenblatt S. *Will in the World: How Shakespeare Became Shakespeare*. New York: W. W. Norton & Co., 2004. 406 p.
14. Hamley E. *Shakespeare's Funeral* // *Shakespeare's Funeral and Other Papers*. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1879. P. 1–71.
15. Harris F. *The Man Shakespeare and His Tragic Life-Story*. London: F. Palmer, 1909. 425 p.
16. Harris F. *The Women of Shakespeare*. London: Methuen and Co., Ltd, 1911. 288 p.
17. Kelly T. *Second Best Bed: A Romantic Speculation in One Act for Eight Girls*. New York: Dramatists Play Service, Inc., 1970. 72 p.
18. Knapton S. *How Shakespeare's "Second Best Bed" Bequest Was an Act of Love* [Electronic Resource] // *The Telegraph*. 5 April. 2016. — Mode of access: URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/04/how-shakespeares-second-best-bed-bequest-was-an-act-of-love>. (дата обращения: 24.06.2016).
19. Miller Cutting B. *Shakespeare's Will... Considered Too Curiously* // *Brief Chronicles*. Vol. 1. 2009. P.169–191.
20. Nye R. *Mrs. Shakespeare: The Complete Works*. New York: Arcade Publishing, 2000. 224 p.
21. O'Sullivan M. J. *Introduction* // *Shakespeare's Other Lives: An Anthology of Fictional Depictions of the Bard* / Ed. M. J. O'Sullivan. Jefferson (N. C.); London: McFarland and Co., Inc., 2005. P. 1–24.

22. Peterson A. *Murder in Stratford: As Told by Anne Hathaway Shakespeare*. Waterville, Maine: Five Star, 2005. 213 p.
23. Rogers J. *The Second Best Bed: Shakespeare's Will in a New Light*. Connecticut: Greenwood Press, 1993. 137 p.
24. Rowlands A. *Mrs. Shakespeare... the Poet's Wife: A Two-Act Comedy*. Colwall: J. Garnet Miller, 2005. 58 p.
25. Ryan A. *The Secret Confessions of Anne Shakespeare*. New American Library, 2010. 480 p.
26. Schoenbaum S. *William Shakespeare: A Documentary Life*. New York: Oxford University Press, 1975. 273 p.
27. Scheil K. *The Second Best Bed and the Legacy of Anne Hathaway // Critical Survey*. Vol. 21, No. 3, *Shakespeare and 'the Personal Story*. 2009. P. 59–71.
28. Severn E. *Anne Hathaway; or, Shakespeare in Love: In 3 vols*. London: R. Bentley, 1845.
29. Shaw G. B. *Three Plays for Puritans. Why for Puritans? // Shaw G. B. Three Plays for Puritans*. Chicago; New York: H.S. Stone and Co., 1901. P. v–xxxviii.
30. Sterling S. H. *Shake-speares Sweetheart*. London: Chatto and Windus, 1907. 232 p.
31. Wells S., Taylor G., Jowett J., Montgomery W. *William Shakespeare, a Textual Companion*. New York; London. W.W. Norton & Co., 1997. 688 p.
32. Willis C. *Winter's Tale // Impossible Things: Eleven Stories from One of the Most Creative Minds in Science Fiction*. New York: Bantam Spectra, 1994. P. 224–251.